

**БУДУЩЕЕ КАК ПРЕДМЕТ
ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
В КЛАССИЧЕСКОЙ, НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Н.А. Антипин

*ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет имени С.М. Кирова»,
г. Санкт-Петербург*

Рецензент д-р филос. наук, профессор В.А. Петрицкий

Ключевые слова и фразы: время и вечность; синергетика; футурология.

Аннотация: Проанализирован широкий круг вопросов, связанных с выявлением особенностей философского осмысления будущего на основе достижений истории философии и науки. Значительное внимание уделено сравнительному анализу философских взглядов мыслителей Древней Греции, Средневековья, Нового времени и современных авторов на проблему соотношения времени и вечности. Будущее представлено в качестве общего предмета исследования для представителей философии и различных научных дисциплин на основе рассмотрения его связей с пространством, временем, движением, изменением и развитием, с различными социальными проблемами и попытками прогнозирования будущих событий. В этой связи рассмотрены основные концепции классической, неклассической и постнеклассической науки, в особенности синергетики и футурологии.

С момента возникновения сознания и начала формирования мировоззрения человека образ будущего всегда присутствовал в его размышлениях о времени и вечности. Эти вопросы обсуждались в мифологии, религии, науке и философии Древней Греции, особенно в учениях Платона и Аристотеля. Они оказали значительное влияние на всю последующую историю философии и науки. Вечность, как ее понимал Платон, всегда присутствует и в этом смысле является неподвижной, а время – лишь «движущееся подобие вечности», связанное с возникновением и исчезно-

Антипин Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова», г. Санкт-Петербург.

вением различных вещей. Этот вопрос он обсуждал в диалоге «Тимей», рассматривая в нем время как «мелькание» вечности. Там же он говорил об идеальной природе Космоса, как живого и самого совершенного существа, и о бессмертной душе, способной к перерождению в разных живых существах [6].

Вечность, по учению Аристотеля, обладает несколько иными характеристиками. Она не имеет прямого отношения ко времени, а связана с непрерывным, совершенным и бесконечным круговым движением звезд. Но, связывая время и вечность с движением, Аристотель обращает внимание на то, что время опосредовано еще и чувственным переживанием, душой человека, его восприятием того, что имеет место «сначала» и «потом». Кроме того, он вводит особую единицу времени, которую обозначает словом «теперь». Тем самым он устанавливает границу между прошлым и будущим, полагая, что мы распознаем время, когда разграничиваем движение, определяя предыдущие и последующие состояния. Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними находим и нечто третье, которое отличается от них. Когда мы отличаем в своем мышлении будущее от прошлого, а также от настоящего, тогда имеем дело с тем, что называется временем [2].

Так в философии Древней Греции возникли две основные концепции времени, одна из которых разрабатывалась Платоном, а другая Аристотелем. Оба они использовали понятие «настоящего», но трактовали его по-разному. Если у Платона подлинным носителем «настоящего» является вечность, которая проявляется в нем, то у Аристотеля «настоящее» относится к содержанию времени в качестве его важнейшей характеристики, или своеобразного интервала между двумя «теперь», одно из которых связано с прошлым, а другое – с будущим. В первом случае (у Платона) время оказывается лишь *иллюзией*, ибо, как отмечает Аристотель, если время складывается только из «было» и «будет», то одного из них уже нет, а другого еще нет, а то, что слагается из несуществующего, не может быть причастным существованию. Во втором же случае (у Аристотеля) время оказывается *реальностью* и притом во всех трех его проявлениях, включая прошлое, настоящее и будущее.

Приведенные рассуждения Платона и Аристотеля показывают, что понятие будущего тесно связано с понятием времени и будущее всегда рассматривается в его отношении к настоящему и прошлому в зависимости от того, как понимается само время в его отношении к вечности. Все это имеет прямое отношение к философскому осмыслению будущей человеческой истории в средневековой религиозной философии.

В средние века философские размышления о времени обогатились двумя основными идеями. Первая из них заключается в том, что появляется идея вечного Бога, причастного к истории универсума и временным судьбам людей. Вечность теперь рассматривается не просто как сопричастная времени, а как непосредственно включенная в его содержание и определяющая собою последовательность всех основных событий от сотворения мира до Апокалипсиса и Страшного Суда. Так в философии Августина появляется концепция исторического *линейного* времени, согласно

которой вся человеческая история осуществляется «в тени будущего», а будущее рассматривается им как Страшный Суд. Вторая идея заключается в том, что признание вечного Бога дает средневековому мыслителю единственную устойчивую опору в его размышлениях о бренности земного бытия. Но в понимании этого движения «вниз» обнаруживается кардинальное различие, истоки которого находятся в учениях Платона и Аристотеля.

У Августина, находившегося под влиянием философии Платона, вечный Бог – это абсолютная точка отсчета, творец не только человека и всего мироздания, но и времени. Это означает, что не только *начало*, но и *конец* человеческого бытия предопределены божественным провидением, и никакие случайности не в силах изменить предопределенное будущее человека и человечества. Но при этом в философии Августина используются и некоторые высказывания Аристотеля, связанные с психологическим переживанием времени, которые позволяют соединить в одном понятии времени такие его моменты, как прошлое, настоящее и будущее. Это позволяет ему говорить о некотором существовании будущего, если «в душе есть ожидание будущего», и о некотором существовании прошлого, если «до сих пор есть в душе память о прошлом», и о том, что настоящее не лишено длительности, если даже оно «проходит мгновенно». «Длительно, – пишет он, – не будущее время – его нет; длительное будущее – это длительное ожидание будущего. Длительно не прошлое, которого нет; длительное прошлое – это память о прошлом» [1, с. 306].

Совершенно другую картину времени, связанную с влиянием философии Аристотеля, рисует Боэций. У Боэция Бог не единственная точка отсчета. Кроме Бога, носителя вечности, есть еще и «хаотическая материя», которая существует бесконечно и которую Бог упорядочивает, но не творит «из ничего». Поэтому и «внизу», там, где живут и действуют люди, кроме божественного провидения (вечного и напряженного плана универсального миропорядка), есть еще и *судьба*, как та космическая сила, которая соединяет случайности, частные и преходящие движения, людские желания и поступки в некоторое «подвижное сплетение и временной порядок». Бесконечно, по Боэцию, и время, дискретное по природе и состоящее из множества отдельных точек – моментов прошлого, настоящего и будущего, последовательно переходящих друг в друга [3].

В условиях Нового времени, включая XX век, философское осмысление будущего продолжилось и обогатилось некоторыми новыми идеями. Старые представления о вечности оказались в принципе сохраненными, но их содержание, так или иначе, стало связанным с различными формами человеческого бытия. Это наиболее характерно для философско-исторических учений И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и марксизма, а также для представителей философии жизни и экзистенциализма.

Философское осмысление будущего в XX веке тесно связано с достижениями научного знания, с выявлением и анализом тех возможностей, которые существуют и могут быть реализованы в будущем. В связи с использованием достижений науки и техники возрастают возможности прогнозирования и проектирования ближайшего будущего человечества,

но при этом нет достаточно ясного понимания отдаленной перспективы его развития. Значительное внимание уделяется изучению настоящего, и оно в основном понимается как «точка пересечения», или как «перекресток», где прошлое встречается с будущим [8].

С учетом этой, идущей от Платона, традиции понимания настоящего как «мгновения» между прошлым и будущим, в XX веке формируется представление о том, что будущее существует в настоящем, в его возможностях и существенных предпосылках. Возникает идея о познаваемости этого будущего и даже о возможности особой науки – *футурологии*. Создаются различные и нередко утопические проекты радикального изменения жизни общества. Но с течением времени ситуация меняется и все более популярной становится другая, идущая от Аристотеля, традиция, согласно которой время можно рассматривать как длительность, включающую в себя три основных момента: прошлое, настоящее и будущее. Они характерны для любого представления времени как в субъективном, так и в объективном его значении. Таковы, например, концепции времени, которые разрабатывались А. Бергсоном, М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром. Время в каждой из них рассматривается с особой (онтологической) точки зрения, согласно которой все основные его моменты качественно отличаются друг от друга и требуют философского подхода, характерного, например, для философии жизни и экзистенциализма.

Исходным для такого подхода к трактовке социального пространства-времени является *наличное бытие* всех сосуществующих поколений людей, непосредственно переживающих свое отношение друг к другу, к своему незабываемому прошлому, к своей судьбе и к тем перспективам, которые они находят в окружающем их мире. Иначе говоря, *настоящее*, выступающее здесь в качестве одного из моментов времени, рассматривается *не абстрактно* по отношению к прошлым и будущим событиям, а *конкретно*, то есть вместе с живой человеческой памятью о ближайшем прошлом и с теми наличными возможностями, на основе реализации которых формируется их ближайшее будущее.

Такая трактовка времени напоминает нам приведенные уже выше рассуждения Аристотеля и Августина об особенностях переживания человеком времени, которые характерны для тех людей, чья память связана с прошлым, а воля и ожидания связаны с будущим. Но при этом их ближайшее прошлое и ближайшее будущее взаимодействуют с содержанием настоящего.

С этой точки зрения, *прошлое* предстает перед нами как *историческая реальность*, которую мы реконструируем гносеологически по ее следам. Без освоения прошлого немислимо *наличное бытие* людей, и поэтому прошлое всегда присутствует в настоящем. Если ближайшее будущее, возникновение которого связано с реализацией имеющихся возможностей, познается и определенным образом существует в сознании человека, то оно, таким образом, относится к настоящему времени. Но само по себе оно все равно остается несуществующим, в отличие, например, от прошлого, которое когда-то существовало, и настоящего, которое продолжает существовать.

Для конструирования отдаленного будущего, возникновение которого может быть связано с несуществующими или пока еще неизвестными нам возможностями, используются различные ожидания, связанные с реальной жизнью людей, с их желаниями, заботами и потребностями. Такое отдаленное *будущее* рассматривается, с этой точки зрения, как некоторая *проективная реальность*, находящаяся в определенных отношениях к настоящему и прошлому.

Философское осмысление будущего предполагает рассмотрение его связей с пространством, временем, движением, изменением и развитием. Поэтому, говоря о будущем человечества, мы имеем в виду события, которые еще не произошли, но обязательно должны будут произойти при наличии необходимых для этого условий. Тем самым мы, с одной стороны, противопоставляем будущее прошлому и настоящему, а с другой – имеем в виду их *диалектическое единство*, поскольку события человеческой жизни обладают такими характеристиками, как бытие, пространство, время, движение, изменение и развитие. А это значит, что все события человеческой жизни осуществляются в определенной последовательности, которая включает в себя такие необходимые для нее моменты, как прошлое, настоящее и будущее.

Происходящие в жизни человека и общества *события* находятся в состоянии *процесса*, но вместе с тем и сами они являются составными элементами общего для всех них *исторического процесса*. Некоторые из них оказывают весьма существенное влияние на ход человеческой истории и изменяют состояние самого исторического процесса.

Будущее с давних пор привлекает к себе внимание не только философов, но и представителей различных научных дисциплин. Они обращаются к осмыслению этого понятия не только в связи с анализом временной последовательности событий, но и в связи с трактовкой существующих между ними связей. Так, например, представители *детерминизма* (от лат. *determinare* – определять) разрабатывают учение об объективной закономерной *взаимосвязи и взаимообусловленности* всех явлений материального и духовного мира. Они полагают, что всякое явление подчинено закономерностям и полностью ими обусловлено.

С этой точки зрения, то или иное событие, которое происходит в мире, *однозначно* определяется множеством причин, непосредственно предшествующих данному событию. А это значит, что в окружающем человека мире все настолько причинно обусловлено, что у каждого события имеется только одно возможное будущее.

Такое понимание *детерминизма* характерно для некоторых представителей классической науки и философии XVIII – XIX веков, а также для религиозно-философской концепции *фатализма* (от лат. *fatalis* – фатальный или предопределенный судьбой) – учения о существовании изначальной *предопределенности* тех событий, которые происходят в природе, обществе и жизни каждого человека.

Другая, противоположная точка зрения характерна для представителей *индетерминизма* – учения о том, что в мире имеются состояния и события, которые не обусловлены никакой причиной или она не может быть

указана. Такое понимание *индетерминизма* характерно для некоторых представителей *неклассической* науки и философии второй половины XIX – начала XX веков. Но если представители *детерминизма* преувеличивают роль *необходимости*, то представители *индетерминизма* преувеличивают роль *случайности* в осуществлении тех событий, которые происходят в мире. С точки зрения *детерминизма*, будущее в своих основных чертах предопределено заранее и люди не могут оказать на него существенного влияния, а с точки зрения *индетерминизма*, упомянутой предопределенности нет, и люди могут сами создавать свое будущее. В исследованиях развития человека и общества концепция *классического детерминизма* смыкается с религиозно-философской точкой зрения *фатализма*, а концепция *индетерминизма* смыкается с философско-исторической точкой зрения *волюнтаризма*.

Упомянутые концепции *детерминизма* и *индетерминизма*, а также связанные с ними точки зрения *фатализма* и *волюнтаризма*, еще в XIX веке вызвали возражения у представителей *диалектической* философии, которые, опираясь на философию Гегеля, видели в них ошибки метафизического мышления. С диалектической точки зрения, *случайность* они рассматривали как *форму проявления необходимости и как ее дополнение*. Они полагали, что люди сами творят свою историю, но при этом результаты их деятельности зависят и от некоторых объективных обстоятельств, от тех условий, в которых они находятся. По мере развития экономики, науки и техники, увеличиваются возможности их влияния на изменение существующих объективных обстоятельств, тех исторических условий, в которых они находятся. Роль *субъективного фактора* в истории возрастает, но при этом *кажущиеся случайными* события все равно остаются причинно обусловленным. Иначе говоря, *соотносительный характер* причины и следствия, необходимости и случайности при всех этих изменениях не исчезает, а сохраняется.

Представители *индетерминизма*, пытаясь выйти за рамки *классического детерминизма*, рассматривали его как единственно возможную форму детерминизма, отрицающего иногда и саму возможность объективного существования случайности, но вскоре выяснилось, что формы причинной связи многообразны и они могут проявляться через многочисленные *случайные* события. Так, например, объекты микромира, а также люди, входящие в различные социальные группы, ведут себя так, что траектории их движения *невозможно* предвидеть точно и однозначно определить на основе концепции *классического детерминизма*, но их можно предвидеть с определенной *степенью вероятности* на основе концепции *вероятностного детерминизма*. Эта концепция позволяет выявить некоторые *статистические* закономерности движения совокупностей тех или иных объектов микромира и людей, входящих в те или иные социальные группы.

В современных философских и научных исследованиях различают *динамическую* и *статистическую* закономерности как формы проявления *объективной связи* между предшествующими и последующими состояниями систем. *Динамическая закономерность* – это форма причинной свя-

зи, при которой данное состояние системы однозначно определяет все ее последующие состояния. Знание характерных для этого состояния условий дает возможность точно предсказать дальнейшее развитие системы. *Динамическая закономерность* действует во всех автономных, мало зависящих от внешних воздействий системах с относительно небольшим числом элементов. Она определяет, например, характер движения планет в Солнечной системе.

Статистическая закономерность – это форма причинной связи, при которой данное состояние системы определяет все ее последующие состояния неоднозначно, а лишь с определенной степенью вероятности. Она является объективной мерой возможности осуществления свойственных предшествующим состояниям системы тенденций изменения. Знание их дает нам возможность предсказывать дальнейшие изменения системы лишь с определенной степенью вероятности.

Статистическая закономерность действует во всех неавтономных, зависящих от постоянно меняющихся внешних условий системах с очень большим числом элементов.

Различие между *статистической* и *динамической* закономерностями не абсолютно, а относительно, поскольку всякая *динамическая* закономерность является проявлением *статистической* закономерности, но *вероятность* осуществления относящихся к ней событий приближается к единице. В предельных случаях, когда речь идет о совершенно *неизбежных* событиях, вероятность их осуществления может быть равной единице. С расширением пространственно-временных интервалов развития связь между предшествующими и последующими состояниями любой системы в значительно большей степени подчиняется законам *вероятностной детерминации*. Отсюда следует, что всякий достаточно сложный процесс развития подчиняется *статистической* закономерности, тогда как *динамическая* закономерность является лишь приближенным выражением отдельных этапов этого процесса [7].

Конкретный анализ этих форм проявления объективной связи между предшествующими и последующими состояниями систем позволяет выявить в них такие состояния, одни из которых связаны с особенностями проявления *динамической* закономерности, а другие – с особенностями проявления *статистической* закономерности.

С точки зрения современной *постнеклассической* науки, фундаментальные законы природы имеют *вероятностный* характер. *Случайность* оказывается не только в некотором смысле этого слова *равноправной* с необходимостью, но и *более массовой, фундаментальной* характеристикой природы. Но при этом она рассматривается как своего рода отношение между объектами, которое характеризуется тем, что при наличии одного другое «может быть, а может и не быть». Второе называют *случайным* по отношению к первому.

Таким образом, никакое событие или высказывание не является случайным (или необходимым) само по себе (в силу своей природы), а только лишь по отношению к другому, вполне определенному типу событий или высказываний. *Случайность* как отношение может иметь числовое значе-

ние в интервале от 0 (невозможность) до 1 (необходимость), исключая эти крайние значения как характеристики качественно иных типов отношений между объектами и высказываниями об объектах. Но при реализации большого числа однородных *случайных* событий величина (или степень) их случайности определяется с помощью частоты их появления при повторении одних и тех же (начальных) условий.

Общие модели случайных отношений и количественные методы определения их *степени вероятности* исследуются в математической статистике и теории вероятностей. В современной *постнеклассической* науке *случайность*, как уже отмечалось выше, рассматривается не только как *проявление необходимости*, но и как *равноправный* с ней и даже *более массовый и фундаментальный* тип отношений между объектами и высказываниями о них как информационными единицами. Отсюда и делается вывод, что современная наука – «не враг, а друг случайности» [4].

Именно такая трактовка соотношения необходимости и случайности характерна для современной *синергетики* – одной из фундаментальных теорий *постнеклассической* науки. Она изучает поведение сложных нелинейных систем и обычно определяется как наука о *самоорганизации* в системах, далеких от равновесия. Это открытые системы и в них, согласно универсальному принципу эволюции, сформулированному И. Пригожиным, термодинамические силы всегда изменяются так, что *энтропия*, или мера внутренней неупорядоченности системы, стремится к уменьшению.

При удалении системы от состояния равновесия, ее прежнее *относительно устойчивое* состояние может стать *неустойчивым*, а в системе может появиться *аттрактор* – новый признак, обладающий свойством притяжения, причем не один. В этом *предельно неустойчивом* состоянии системы и происходит *бифуркация* – качественное изменение свойств системы при малых изменениях ее параметров.

Характерная особенность *нелинейных* систем и *нелинейного* подхода в целом – возможность множественных состояний, множественности путей развития, выбор которых в точке бифуркации *неравновесных* (неустойчивых) систем никак не зависит от ее начальных условий и прошлого опыта (они как бы «забываются»), а только от *случайности* (мельчайших внешних воздействий или внутренних *флуктуаций* системы). Благодаря *случайности*, система выходит на новый *аттрактор*, то есть на новый признак, обладающий свойством притяжения, и вместе с тем на новую *относительно устойчивую* траекторию своего развития.

Такого рода фазовые переходы принципиально невозможны в *линейных системах* любого рода. Но при этом, с философской точки зрения, трудно найти ответ на следующий вопрос: «Являются ли эти новые аттракторы, на которые выходит система после очередного состояния неустойчивости, подлинно творческим актом бытия или они возникают на основе проявления его внутренних потенций, которые существуют в нем как особый вид реальности?» [4].

В современной синергетике, используются такие понятия, как *динамический хаос* и *детерминированный хаос*. Понятие *динамического хаоса* используется в теории динамических систем при рассмотрении таких яв-

лений, когда поведение *нелинейной системы* выглядит случайным, хотя в действительности оно является причинно обусловленным. Для выявления и исследования этих состояний используется такая *динамическая система*, которая является *математической моделью* некоторого объекта, процесса или явления. Поведение таких систем подчиняется некоторым регулярным *динамическим законам*, но его невозможно предсказать, если речь идет о больших промежутках времени.

Понятие *детерминированного хаоса* является одним из фундаментальных понятий *синергетики* как науки о самоорганизующихся статистических системах, которые принято называть *ансамблями*. Исходным понятием и элементом любой *статистической системы* является *случайное*, независимое событие (то, которое при наступлении определенных событий может произойти с некоторой вероятностью, а может и не произойти). Однако множество *случайных событий* уже не ведет себя абсолютно случайным образом. Благодаря принадлежности одной системе и взаимодействию друг с другом, эти элементы усиливают одни возможности системы и ослабляют другие. Причем частично этот процесс может регулироваться извне, с помощью воздействия на так называемые *контрольные* (существенные для бытия данной системы) параметры.

Таким образом, необходимо различать *абсолютный хаос* и *управляемый (детерминированный) хаос*. Наука имеет дело только с *детерминированным хаосом* [4].

Современное общество, которое принято называть *информационным*, существенно отличается от предыдущих этапов его развития. Для описания состояний этого общества недостаточно теоретических представлений *классической* или *неклассической* науки и философии. Необходимы теоретические представления *постнеклассической* науки и философии, которые в настоящее время интенсивно разрабатываются. Так, например, осуществляется дальнейшее развитие *неклассической* концепции *вероятностного детерминизма* в рамках *постнеклассической* науки и формируется на ее основе концепция *синергетического детерминизма*. Она отличается от *неклассической* концепции вероятностного детерминизма, прежде всего тем, что относится к характеристике процессов с очень большими скоростями и состояний с множеством *альтернативных*, а иногда и *взаимодополнительных* возможностей их развития. В осуществлении упомянутых возможностей *роль случайности* возрастает, и она оказывается не только в некотором смысле этого слова *равноправной* с необходимостью, но и более *массовой*, *фундаментальной* характеристикой тех статистических процессов, которые исследуются в рамках *постнеклассической* науки.

Проблема соотношения *классических*, *неклассических* и *постнеклассических* представлений о взаимосвязи будущего и настоящего, с точки зрения *объективной истины*, все еще остается нерешенной. Поэтому представляется целесообразным изложить и сопоставить здесь основные положения соответствующих им концепций будущего.

1. *Классическая* концепция будущего, основанная на жестком *механистическом детерминизме*, вплоть до конца XIX века предполагала *однозначную* линейную взаимосвязь событий и такое же следование будущего

из настоящего. Будущее рассматривалось лишь как прямое продолжение, развитие тенденций настоящего. *Случайность* отрицалась, и будущее оказывалось, в сущности, predetermined, но не божественным провидением, а торжеством законов прогресса и, прежде всего, прогресса экономического. Случавшиеся кризисы рассматривались как редкое и недолгое исключение из правил, после которого всегда происходит возвращение к «нормальному» порядку вещей. Считалось, что будущее порождается настоящим непрерывно и постепенно, оказываясь в каждый данный момент лишь несколько измененным настоящим, что позволяет людям к нему более или менее успешно приспособиться.

В соответствии с известной лапласовской формулой все это означало, что более точное знание настоящего автоматически влечет за собой более точное знание будущего, а абсолютное знание настоящего – абсолютное предвидение будущего. Считалось, что всегда возможна лишь одна-единственная *истинная* теория-прогноз (или же проект) будущего, все остальные являются *ложными*. Вместе с тем считалось само собой разумеющимся то, что так называемое «близкое» будущее может быть прогнозируемо гораздо лучше «отдаленного».

2. *Неклассическая* теория XX века уже имеет дело с иного типа объектом, она приносит с собой радикальный пересмотр понимания будущего и его взаимосвязи с настоящим. Прежде всего, она основывается на ином понимании детерминизма, предполагая неоднозначную вероятностную взаимосвязь событий и такое же следование будущего из настоящего. *Случайность* не отрицается, и будущее оказывается неопределенным, прежде всего, в силу особенностей нового политического процесса. В качестве основной модели здесь выступает политика, понимаемая как результат взаимодействия огромного множества взаимосвязанных социальных микрообъектов (коллективов). Кризисы и вообще неожиданные события происходят теперь сравнительно чаще, а после них не наступает возвращение к «нормальной» ситуации, и каждый раз возникает какой-то совершенно новый мир. Время становится прерывистым, а будущее превращается в «квантовоподобный» объект, изменение его параметров происходит скачкообразно (порционно), оно может оказаться совершенно непохожим на настоящее, что делает более или менее успешное приспособление к нему людей с каждым разом все более проблематичным. Такое будущее становится неподвластным настоящему, оно радикально отличается от него. Это «быстрое» будущее, скорости его наступления – весьма высокие, они на порядки выше по сравнению с прежними этапами истории. В последней трети XX века это приводит уже к настоящему «футурошоку» (А. Тоффлер).

У представителей *неклассической* науки возникает убеждение в относительности будущего и его свойств. Политические события, одновременные (и потому не могущие иметь причинно-следственной связи) для наблюдателей из одной страны или страты (системы отсчета), для наблюдателей из других стран и страт оказываются последовательными, выполняющими по отношению друг к другу функции причины и следствия. Результаты политической деятельности оказываются плохо предска-

мыми, а иногда и совершенно противоположными замыслу власти. Социальное будущее так же относительно к средствам человеческих действий, как относительно будущее поведение частиц в микромире к средствам их наблюдения (приборам), которые с неизбежностью оказывают на них влияние.

Взаимодействуя с будущим, мы с неизбежностью изменяем его и вследствие этого наступает осознание того, что будущее не просто связано с настоящим *вероятностным* образом, аналогичным образом оно связано и с нашими знаниями о настоящем. Однозначное и безальтернативное предсказание будущего на основе достаточно полного знания о возможностях настоящего невозможно и чем полнее, глубже, объемнее мы понимаем настоящее, тем более неопределенной, многозначной, многовариантной представляется нам траектория будущего.

Все это позволяет сделать вывод о возможности создания нескольких *разновероятных* гипотез-проектов (или прогнозов) будущего, которые являются по отношению друг к другу *не взаимоисключающими, а взаимодополнительными*. При этом так называемое «близкое» будущее оказывается столь же плохо (если не еще хуже) прогнозируемым, сколь и будущее «отдаленное».

3. *Постнеклассическая* наука конца XX – начала XXI веков в пересмотре понимания будущего и его взаимосвязи с настоящим идет еще дальше, развивая и усиливая некоторые тенденции *неклассической* науки. Понимание детерминизма из *вероятностного* становится *синергетическим* и на его основе рассматривается взаимосвязь настоящего и будущего. Наряду со следованием (хотя и неоднозначным) будущего из настоящего, впервые признается его собственное влияние на настоящее. *Случайность* не просто реабилитируется, а признается *господствующей*.

Взаимодействие будущего и настоящего становится *флуктуационным* и *бифуркационным*, что еще более затрудняет *социальное прогнозирование*. В политике, например, удивительным образом иногда осуществляются самые маловероятные возможности, тогда как наиболее вероятное развитие событий оказывается нереализованным. Событие, ничтожное в своей малости по сравнению с масштабом ситуации в целом (*флуктуация*, выражаясь синергетическим языком), приводит иногда к кардинальной перестройке всей перспективы, к совершенно иному будущему по сравнению с тем, которое предполагалось ранее (то есть к *бифуркации*). Новое будущее может возникнуть в любой момент, причем совершенно внезапно. Это будущее уже не просто «быстрое», оно – «мгновенное». Оно – «футурогипершок». И это парадоксальным образом возвращает нас к тому, что моментом взаимопревращения настоящего и будущего является каждый данный момент.

«Революция» не происходит время от времени, как это считалось ранее, а является «перманентной», и в ней люди должны не приспосабливаться к возникающему независимо от их воли будущему, а рассматривать свое собственное изменение как возникновение этого будущего. Настоящее и будущее в связи с этим становятся *равноправными*, и это требует от людей не просто готовности жить в условиях плохо предсказуемого,

стремительно наступающего будущего, но и готовности при встрече с ним стать другими, изменить себя и обрести свое будущее.

Такое понимание будущего означает не просто его *виртуализацию*, а вводит в действие своеобразный принцип, который иногда называют «принципом относительности будущего к средствам его теоретического обсуждения (абстрагирования и идеализации)». Согласно этому принципу, *само теоретическое обсуждение будущего с неизбежностью приводит к изменению некоторых его характеристик*. Подтверждением этого являются, например, прогнозы «Римского клуба» 30–40-летней давности.

Обсуждая будущее, люди изменяют себя, а тем самым изменяют и будущее. Отсюда вытекает и принцип «сильной» *неопределенности* будущего, согласно которому существует возможность осуществления нескольких *не равновероятных*, а *равноправных* теоретических описаний будущего (прогнозов), вовсе не предполагающая необходимости выбора одного из них как *истинного* в противоположность остальным как *ложным*.

В связи с этим оказывается *проблематичной* и сама возможность *точного определения* того, какое *будущее* является отдаленным, а какое – ближайшим [5].

Таковы основные положения *постнеклассической* науки и философии о взаимосвязи будущего и настоящего, но они не являются всеобъемлющими, а относятся в основном к описанию и объяснению процессов, которые являются *нелинейными, стохастическими*, происходящими в открытых динамических системах, находящихся в *относительно устойчивых* или *временно неустойчивых* состояниях. Их изменение и развитие подчиняется *вероятностным* статистическим закономерностям, но как вне них, так и в них самих существуют состояния и процессы, которые, по крайней мере в определенных интервалах времени, подчиняются тем *динамическим* или *статистическим* закономерностям, которые изучаются *классической* и *неклассической* наукой и философией.

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий ; пер. с лат. М.Е. Сергеенко ; вступ. ст. А. А. Столярова. – М. : Ренессанс, 1991. – 488 с.
2. Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Аристотель. – М. : Мысль, 1981. – 200 с.
3. Боэций. Утешение философией / Боэций. – М. : Наука, 2001. – 415 с.
4. Лебедев, С.А. Философия науки : словарь основных терминов / С.А. Лебедев. – М. : Академ. Проект, 2004. – 320 с.
5. Петров, С.О. Концепция будущего в современной философии / С.О. Петров // Актуальные проблемы развития высшей школы. Проблемы качества подготовки специалистов. Эдукология – новая наука об образовании : материалы Междунар. науч.-методол. конф. / ред. А.В. Селиховкин ; С.-Петербург. гос. лесотехн. акад. – СПб., 2009. – С. 324–329. – (Тр. С.-Петербург. гос. лесотехн. акад.).

6. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Платон. – М. : Мысль, 1994. – 654 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 840 с.
8. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2000. – 448 с.
-

Future as a Subject of Philosophical Thought in Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science

N.A. Antipin

St. Petersburg State Forestry University, St.Petersburg

Key words and phrases: futurology; synergetics; time and eternity.

Abstract: The paper discusses a wide range of questions connected with revealing of the features of philosophical understanding of the future on the basis of achievements of history of philosophy and a science. The basis of the author's approach to consideration of this theme is the statement that from the moment of occurrence of consciousness and the beginning of formation of human outlook *the image of the future* has always been a part of human reflections about time and eternity. But if the future is closely connected with the concept of time, its relation to the present and the past should be considered as time in its relation to eternity is understood. The considerable attention in this connection is given to the comparative analysis of philosophical views of the thinkers of the Ancient Greece, the Middle Ages, New Age and modern writers on the problem of parity of time and eternity. The author's approach is based on understanding of the future as a general object of research for representatives of philosophy and various scientific disciplines. The philosophical understanding of the future is connected to its links to space, time, movement, change and development, with various social problems and attempts of forecasting of the future events. In this connection, the basic concepts of classical, non-classical and a post-non-classical science, in particular, modern synergetics and futurology are used and discussed.

© Н.А. Антипин, 2013